

Глазычев В.Л.

Зарождение зодчества

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 528
ББК 38.2
Г52

Г52   **Глазычев В.Л.**
Зарождение зодчества / Глазычев В.Л. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 143 с.

ISBN 978-5-458-34521-7

Обращенная к широкому кругу читателей книга посвящена рассказу о самых первых шагах становления архитектуры — замечательного умения повелевать пространством и материалом. Начала этого умения совпадают с переходом человека к оседлой жизни около 10 тыс. лет назад. Однажды возникнув, умение зодчего быстро обогащается, возрастает размах строительных задач и смелость их решения. Используя новейшие данные историков и археологов, автор предлагает читателю насыщенное фактами путешествие во времени и пространстве: от юга Аравии до Шотландии, от долины Инда до Гибралтара. Без осмысления истоков зодчества невозможно полноценное изучение истории Древнего мира.

ISBN 978-5-458-34521-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Начало начал

Так или почти так выглядело строительство первого дома в Вади-эн-Натуф — первого, насколько нам известно, постоянного дома на Земле, Вдали, в основании скал проглядываются входы в ещё обитаемые пещеры. Стройка, развертывающаяся на переднем плане, требует уже предварительного плана и четкой организации работ. Неглубокий котлован надо было не просто отрыть, а выбить в каменном основании, и юноша льет воду из бурдюка на раскаленный костром камень, чтобы каждый удар каменного молота производил максимальный эффект. В предварительно выбитые отверстия нужно было вставить тонкие жерди (на следующем

рисунке вы можете увидеть, как они потом соединялись наверху). Затем жерди переплетали тонкими и гибкими прутьями, а всю нижнюю часть стен обмазывали глиной с обеих сторон.

Рядом с первым домом вскоре встанут другие, и тогда сложится первое селение на открытом пространстве. Обороняться ещё не от кого, да и нет ещё богатств, которые могли бы вызвать зависть достаточно отдаленных соседей. Еще не приручены животные, и даже плетень от вороватых горных котов и шакалов не потребовался: остались бы следы ямок от его столбов.

Предмет, поставленный на землю в тени куста (наверное, в нем вода для питья), очень похож на глиняный сосуд, но это корзина, обмазанная глиной для водонепроницаемости: керамику ещё предстояло изобрести через пару тысячелетий. Обитатели этого дома ещё не земледельцы. Они охотники и собиратели, но они уже обратили внимание на злак с мелкими, но вкусными зёрнами, часто попадающийся по дороге.

Когда речь заходит о рождении чего-то конкретного, вроде паровой машины или двигателя внутреннего сгорания, все просто или почти просто — если и идут споры, то о гада и именах, о первенстве. Куда сложнее ответить на вопрос: кто и когда первым выплавил бронзу, приучил коня ходить в упряжи, кто и когда построил первый дом?

Еще сложнее более отвлеченный вопрос, вроде того, когда родилась наука, когда — техника, когда — архитектура? Есть ли, впрочем, смысл в таких вопросах? Есть и к тому же двойной. Во-первых, это просто интересно каждому, кто отличается любознательностью. Во-вторых, это безмерно важно тем, кто работает в области науки, техники, архитектуры: пытаюсь понять, как складывалась система знаний и умений, ставшая профессией, человек наминает понимать смысл собственных действий. Ну, скажем, один раз заучив формулу вычисления объема цилиндра, мы пользуемся ею, не замечая, — автоматически. А вот во времена Цезаря знать или не знать эту формулу было для строителя нешуточным делом: не один тогдашний зодчий поплатился репутацией и даже имуществом только потому, что ему не удалось узнать тайну л. Ему приходилось пользоваться приблизительным расчетом Герона [1], и в результате подсчитанный объем камня для возведения башни оказывался заниженным на 5 %, в смету вкрадывалась ошибка, за которую приходилось расплачиваться. Или ещё, что может быть скучнее подобия треугольников? Но вот задача (ее полный объем и решение приведены в конце книги), которую 2600 лет назад решил архитектор Евпалин для тирана острова Самос Поликрата. Надо пробить сквозь гору туннель почти в километр длиной для водопровода, двигаясь с противоположных концов. Попробуйте ее решить, и вы немедленно убедитесь, какой увлекательной становится прикладная геометрия, когда от владения ею зависит утоление жажды немалого города.

Но ведь и строительство туннеля на Самосе, и расчеты Герона, хотя и отдаленные от нас XXV веками,

это наше с вами собственное "вчера". Между нами и ими почти столько же времени, сколько между ними и строителями египетских пирамид, а ведь пирамиды — это не начало, это уже вершина долгого развития. На времени сооружения пирамид наше знание истории в полном смысле слова кончается: ранее простирается безмерное “доисторическое время”. Первый настоящий дом, первый город возникают в его глубине — когда?

Мы найдем ответ на этот вопрос, но для этого придется несколько разобраться в том, что же такое “доисторическое” время. В очень строгом смысле доисторическим оказывается все то, о чем мы не можем или не умеем прочесть. Никто, не может прочесть послания, записанные разноцветными узелками на шнурках “кипу” — узелковым письмом инков; никто не сумел разобрать длинные тексты, записанные иероглифами майя (благодаря словарю, оставленному нам любознательным монахом Диего ди Ланда [2], увы, сжегшем на костре почти все “дьявольские” книги, мы знаем только числительные и названия месяцев); никто не сумел ещё прочесть критского линейного письма А [3] или знаков, начертанных жителями древнего Мохенджо-Даро.

Понятно, что такая строгость чрезмерна, и ученые называют доисторическим все то, что не описано или хотя бы не упомянуто в дошедших до нас и прочитанных текстах. В результате возникает немалая путаница. Так, скифы историчны, так как о них писали греческие историки, начиная с Геродота, а куда более поздние в сравнении со скифами жители свайных поселков центральной Европы или ещё более близкие к нам строители Теотихуакана почти на том месте, где теперь мексиканская столица, оказываются

доисторическими. Этруски — исторический народ, историчен Карфаген, ибо о них писали и греки, и римляне, но мы куда больше знаем о селениях доисторических обитателей острова Кипр, чем о городах этрусков или Карфагене.

История полна таких парадоксов, но они теперь нас не смущают, потому что мы, люди XX в., давно привыкли мерить историю человечества мерой собственной истории, включившей все наследия культуры. Подчас даже трудно представить себе, насколько углу билась история по сравнению с не столь уж давним временем, скажем, Пушкинским. Что было тогда известно? То, что дошло в текстах римских и греческих писателей и, заметим, переживалось как литература, то есть нечто легендарное. Стихи Пушкина усыпаны именами греческих богов и героев, но Онегин, как мы помним, предпочел английскую политэкономия Гомеру и Феоокриту — под влиянием Просветителей мода на античность проходила. А какой фантастической была эта “античность”? Гете, называемый певцом античности, совершил утомительное тогда путешествие на юг Италии и был неприятно поражен видом руин греческих храмов: их облик не совпадал с его воображаемой Грецией, Настоящая Греция, остававшаяся под гнетом Турции, была трудно доступна, и когда английский посланник лорд Элджин выставил в Лондоне мраморные скульптуры Парфенона, спасенные им в разрушенных и обнищавших Афинах, утонувшие в бурю вместе с кораблем, поднятые на поверхность моряками адмирала Нельсона, — образованная Европа долго не

могла успокоиться — так это было непривычно, ново, странно.

Что уж говорить о Египте! Когда сопровождавшие Наполеона ученые опубликовали свои рисунки пирамид, почти доверху засыпанных песком храмов и сфинкса, — это было открытие мира заново. В середине XVIII в. лорд Болингброк (его секретарем был будущий автор “Путешествия Лемюэля Гулливера” — Свифт), один из образованнейших людей своего времени, язвительно писал об “отце истории” Геродоте: “Написал ли он “Ассирийскую историю”, мы не знаем: но нет сомнения в том, что это понятие вскоре после него приобрело нарицательное значение для характеристики неправдоподобных легенд”.

Прошло почти сто лет, и во времена Пушкина, Чаадаева, Вяземского, Жуковского, переведшего на русский “Одиссею” Гомера, Гнедича — переводчика “Илиады”, имя ассирийцев оставалось все такой же легендой. Как же это могло быть, ведь Библия подробнейшим образом повествует об Ассирии и Вавилоне, а этот источник был доступен? Получилось так, что на пороге великих открытий науки, когда археология вот-вот должна была начать своё победное шествие по свету, старые тексты оказались не в почете. Люди верующие, не говоря уже о теологах, интересовались только религиозным содержанием Библии, а образованные атеисты отметали, именно из-за этого религиозного содержания, “Библию” целиком.

Затем был “взрыв”: Шлиман, с Гомером в руках, раскопал Трою; любознательные колониальные

чиновники[4] нашли легендарный Вавилон, Ниневию, Ур; австрийский авантюрист и английский художник[5] привезли из Центральной Америки зарисовки таинственных сооружений; заново начали перечитывать старые книги, в которых многое оказалось достоверным...

С каждым десятилетием история углублялась на сотни лет, и этот процесс далек от завершения. Совсем недавно итальянские археологи расчистили от песка и камней Эблу — столицу крупного “потерянного” государства, упоминавшегося в египетских и месопотамских записях. В середине 70-х годов вышли в свет книги о городе Дильмун на острове Бахрейн в Персидском заливе, городе, бывшем современником и торговым партнером Ура и Мохенджо-Даро. В 1979 г. Тур Хейердал, обходивший Аравию на тростниковом “Тигресе”, обнаружил ступенчатую пирамиду в Омани. До сих пор не найдена на том же аравийском берегу богатая в древности Гирза, да и у нас в стране до сих пор не удалось найти греческий город Фесис, стоявший на берегу Риони, где-то совсем близко от Поти.

Одновременно с находками, о которых шумел весь свет, совершались одно за другим открытия, которые поначалу мало кого интересовали, кроме самих ученых. Скромные рядом с золотом украшений в поздние эпохи орудия труда и войны раскрыли нам ранний, средний и поздний каменные века. Прошлое человека стремительно откатывалось назад, и на сегодня возраст самых древних орудий человека исчислен в 1 750 000 лет!

Для нас с вами это чрезмерно далеко, интересующие нас сооружения много моложе. Но одно

мы запомним: доисторическим мы будем теперь считать только то в прошлом, чего мы не знаем, что не можем датировать. Все остальное — фундамент нашей с вами культуры.

Но это истории культуры в целом, но что такое архитектура? Всякое ли сооружение — архитектура?

Нора крота — сооружение, муравейник и тем более термитник — тоже сооружения и ещё какие: настоящие небоскребы, если сопоставить их с размерами строителей. Выстроены эти сооружения в высшей степени целесообразно, по определённом плану, вернее, программе последовательных действий. Но эти сооружения — не архитектура, ибо ни птица, ни термит не имеют в сознании образа будущего сооружения как целого, они не в силах изменить строительную программу — та "впечатана" в них. Значит, есть первое условие; архитектура существует тогда, когда в голове строителя (а архитектор и значит "главный строитель") есть целостный образ того, что предстоит соорудить. Такой образ и называется проектом.

И этого, однако, мало. Самое древнее на сегодня жилище найдено на южном берегу Франции, неподалеку от Ниццы. Сняв один за другим плотно слежавшиеся слои песка, археологи обнаружили ямки от жердей, когда-то вкопанных в землю. Эти ямки расположены по более или менее правильному овалу (есть образ целого и, скорее всего, жерди были согнуты навстречу одна другой и связаны. Внутри был очаг из нескольких плоских камней. По степени законченности камней, по количеству рыбных костей и раковин съедобных моллюсков, ученые смогли определить, что этим жилищем пользовались не более

десяти дней. Геологи помогли определить, что этому шалашу не менее 150 000 лет. Сооружение? Да Архитектура? Нет. Не хватает ещё одного признака — долговременности, надежности. Без этого условия убежище не становится архитектурой как не становится ею туристская палатка, хотя ее вполне можно назвать домом.

Надежность, устойчивость во времени совсем не означает непременно долговременности материалов, В Японии есть древнее святилище Исэ: деревянный храм VII в. каждые 20 лет разбирается и выстраивается заново точно таким же. Его доски, столбы, соломенная кровля живут два десятка лет, храм как архитектурное сооружение — больше тысячи. Устойчивость не обязательно означает и сохранение формы; столетиями перестраивался парижский Лувр, Московский Кремль, центр Лондона, Москва после очередного из частых в прошлом больших пожаров. Но всякий раз что-то существенное сохранялось — то древнейшее “ядро”, как в Лувре; то фундаменты храмов и стен, как в Кремле; то очертания улиц, как в Лондоне или Москве. Из всех известных нам памятников архитектуры, может быть, только великие пирамиды в Гизе остались теми же, что и в год постройки — только полированную облицовку с ник содрали поколения царственных хищников[6].

И ещё одно условие существования архитектуры нам надо иметь в виду. Архитектурное сооружение всегда часть некоторого большего целого — микрорайона, квартала, поселка, города. Оно не существует в одиночку даже и тогда, когда гордо возвышается в пустыне, в долине, на холме. Оно и тогда часть пейзажа, связанное с ним и вместе с тем противостоящее ему.

Для того, чтобы родилась архитектура, нужно было совмещение всех этих условий: образ сооружения, идея его устойчивости, включённость в ландшафт. Чтобы три условия объединились, нужно было ещё одно: архитектура не могла возникнуть раньше утверждения оседлого образа жизни. Бродячим охотникам и рыболовам архитектура была ни к чему.

Но если так, то нам вовсе незачем вслепую искать родину архитектуры по всем континентам: она там, где впервые стали сеять хлеб, где впервые одомашнили животных. Мы ещё не в состоянии указать точно широту и долготу этого места, но “руг поиска не так уж велик. Благодаря огромному труду археологов, ботаников и зоологов район поиска очерчен уже точно: это восточная часть нынешней Турции, запад Ирана, север Ирака, Палестина.

Ледник уходил — сначала медленно, едва заметно, потом все быстрее. Зона последнего великого оледенения съезживалась, граница льда отступала на север. Вместе с ней на север уходила тундра, за ней лес, а с ними и животные. Высыхали саванны на месте нынешней Сахары — только в дельте Киле и в Двуречье ещё тысячи лет держались бескрайние непроходимые болота. Человеку надо было решить: или уходить за зверем, или перестроить жизнь. Но человек был не один, и люди решили по-разному. Одни, не размышляя, год за годом догоняли четвероногую пищу, незаметно для себя уходя все дальше от Средиземного моря. Другие... как-то они должны были размышлять — во веяном случае они искали и находили наиболее приятные для жизни уголки. В небольших, закрытых от, сильных ветров долинах было в те времена не слишком сухо и ив